Отпуск

На следующее утро Римка проснулась поздно, но в хорошем настроении. С ней так часто бывало: после интенсивно прожитого дня приходила взбудораженность ночи, затем усталость, сон, а наутро вырисовывалось как будто кем-то за неё принятое решение и новые планы. В этот первый день долгожданного заслуженного отпуска Римка решила перебрать все свои работы, выбрать лучшие, сделать с них копии и отправить в редакции всех ей известных журналов – может, какой-нибудь из них ею заинтересуется, и ей удастся поменять работу. И чего эта она уцепилась за этот город? Квартиру можно будет сдавать, а на эти деньги перебиваться первое время, пока не устроится в новом городе. О Ленке с Ромкой она старалась не думать – отложила на потом. Сначала нужно навести порядок в собственной жизни, а уж потом вмешиваться в чужие. Да и что она могла сказать им обоим? Прости, Ромашка, но я для тебя немного стара? Извини, Леночка, но я у тебя чуть не отбила твоего единственного и неповторимого? Чтобы разобраться в своих чувствах, нужно было время. А его она терять не хотела, ни на угрызения совести, ни на расслабляющую лень, которая её часто засасывала во время отпуска. Наскоро позавтракав, Римка принялась за работу. Отобрала самые удачные рисунки для детских журналов – это была её основная надежда: книжки-раскраски, иллюстрации к стихотворениям Маршака, Чуковского, Маяковского, которых переиздавали

снова и снова. В более солидные журналы решила отправить свои графические работы. А эскизы и наброски города будущего без будущего в издательство научной фантастики. Теперь надо было раздобыть адреса и сделать копии. Римка отправилась в библиотеку, потом на почту, чтобы купить конверты и почтовые марки. Был такой же солнечный и жаркий день, как и вчера, но от Римкиной вялости и апатии не осталось и следа. В таком же решительном настроении она провела весь день, по дороге домой заглянула в кулинарию, купила своё любимое, но ужасно калорийное пирожное и тут же его съела. Довольная, что все дела переделала, она села в автобус и, когда проезжала мимо вокзала, неожиданно для себя вышла на следующей остановке и направилась к железнодорожной кассе. Впервые за последние годы ей захотелось провести отпуск где-нибудь подальше от дома, от проблем, своих и чужих. Чего сидеть, ждать ответов из редакций, которые всё равно так быстро не придут? На проезд на поезде и на несколько дней в гостинице у неё денег хватит, а по возвращении она попросит на заводе аванс и как-нибудь перебьётся до получки. О еде даже как-то не подумала на сытый желудок, но так как была неприхотливой, не беспокоилась об этом и потом, когда немного остыла и с билетом в руках вернулась домой.

Бывают такие дни, когда всё ладится и идёт как по маслу: вовремя приходят счастливые идеи, подворачиваются удачные возможности, кто-то

сдаёт не понадобившийся билет, и на всё хватает энергии, времени и денег. Редко, но случается. И в такие дни Римке казалось, что кто-то ведёт её на ниточке, подсовывает под нос ответы на давно мучившие вопросы, посылает нужных людей. Вот и сегодня. Кассирша уже закрывала кассу, но смилостивилась и продала Римке билет до Ташкента, который кто-то сдал накануне за ненадобностью.

В Ташкент Римке хотелось уже давно. Пока училась в художественном училище, как-то не получилось, хотя до него было всего три часа езды на автобусе. Зато теперь на вопрос: «Куда билетик-то?» - Римка выпалила: «В Ташкент».

И вот она уже сидела в поезде, наслаждаясь монотонным грохотом колёс и неприхотливым пейзажем за окном, и была уверена в том, что наконец наступило время вернуться туда, откуда бежала в минуту слабости, где остались неразрешённые вопросы и мучившие её воспоминания. Чем ближе подъезжали к Ташкенту, тем суше становились степи, в вагоне стояла ужасная жара, а на стоянках несло вонью из туалета. Но чай подавали хороший, а на станциях молодые узбечки продавали нарезанные арбузы и дыни, варёную картошку, огромные помидоры да щепотку соли в маленьком кулёчке. Римка покупала всё через окно, боялась выйти на перрон и отстать от поезда. Под стук колёс спалось хорошо даже днём, и дорога прошла незаметно. Никто не доставал

назойливыми разговорами, и дети вели себя почти прилично.

На следующий день, Римка оставила сумку в камере хранения на вокзале и отправилась бродить по городу, по центральной улице, сплошь заставленной маленькими будками и лавчонками, в которых продавались восточные сладости, сосиски в тесте и лагман - с голоду тут не умрёшь, пока есть деньги. На площади возле государственного музея стояла длиннющая очередь – сотни людей стремились попасть на передвижную выставку картин Рериха. Но Римке было нехорошо от жары и съеденного. Постояв немного в очереди и убедившись, что она не продвинулась за полчаса ни на сантиметр, она отправилась в музей плакатного искусства, находившийся неподалёку. Там было прохладно и даже интересно. Рассмотрев десятки плакатов, Римка подивилась изобретательности художников-плакатистов, оригинальности их идей и техник. Она же никак не могла сдружиться с мыслью, всю жизнь проработать на заводе, выполняя поручения профкома. «Не моё» - подумала она, вспоминая свои серенькие плакаты. Отдохнув напротив одного яркого рекламного плаката, она отправилась бесцельно бродить по городу, даже забыла, что не нашла себе пристанище на ночь. А когда начало смеркаться, спохватилась и поехала забирать на вокзал сумку. По дороге ей пришла мысль, навестить бывшую подругу по общежитию, Татьяну, там и переночевать.

Так она снова оказалась в городе, в котором провела четыре учебных года и ещё год добровольно-принудительно – по семейным обстоятельствам. К счастью, подруга оказалась дома. Открыла дверь. Ни то обрадовалась, ни то удивилась: «Ты откуда это нарисовалась! Заходи, только не шуми, моих разбудишь.» Обнялись. Потом пили на кухне чай. Говорили до хрипу, до слёз, до тошноты. Татьяна была замужем и второй раз в декретном отпуске. Её семимесячный малыш просыпался два раза, просил бутылочку и также быстро засыпал. Римка смотрела с удивлением на потучневшую подругу, которая на другой день уверенно орудовала на кухне, воевала со своим первенцем, который не хотел одеваться и идти в детский сад, давала указания мужу, отправляя его на работу. Римке это было знакомо и незнакомо. В Татьяне она узнавала вечную женскую хлопотливость и заботу о домочадцах, которую знала по своей матери, но себя в этой роли представить не могла. Татьяна, зацикленная на своих детях, только о них и говорила. Она давно уже не работала, похоже, и не собиралась. Муж хорошо зарабатывал, открыл какой-то кооператив по производству изделий из гипса: обрамления для зеркал, потолочные рельефы и плитки, какие-то маски и статуэтки. Татьяна им гордилась.

- Ну, а как у тебя с искусством? – шутливо спросила Римка.

- Какое там искусство! Целый день то горшки, то пелёнки. То кушать, то какать, то гулять, то спать.

Пока укачаю, сама усну, ведь ночью не досыпаю, – жаловалась Татьяна, но была почему-то счастливая. Нарядила свою младшую в ситцевое платьице с крылышками и оборочками, повязала косынку с козырьком, и они втроём отправились на прогулку. Опять вспоминали, какие были молодые и наивные, как подбивали однокурсников совершить культурную революцию, как запоем читали Ефремова и мечтали о городе будущего, который Римка потом нарисовала, но и как пили водку, закусывая жареной картошкой, - одна сковородка на всех.

Прошли мимо училища и общежития, кинотеатра, в который часто бегали, и пивного ларька, возле которого стояли как будто всё те же самые пьяницы, что и семь лет назад.

- Ты о Ник Нике ещё что-нибудь слышала? - по несокрушимой логике обстоятельств спросила Татьяна, единственная из тогдашних подруг, с которой Римка ещё некоторое время поддерживала отношения после окончания училища.

- Нет. Я тогда уехала к родителям, а он их адреса не знал.

- Рим, постой, да ведь ты же тогда беременная была! Ты тогда вдруг так скоропостижно пропала. Я за тебя тревожилась, но потом подумала, что ты к матери уехала. Даже обиделась, что не попрощалась. У тебя кто родился-то? Девочка или мальчик? И чего с собой не привезла? –

затараторила, будто спохватившись, Татьяна.

- Умерла она, – соврала Римка. - В роддоме ещё. Недоношенная была, слабенькая.

- Боже, сколько же ты тогда вынесла, - запричитала Татьяна, жалея подругу, не познавшую счастья материнства. – Ну, да ничего, было, да прошло. Всё ещё наладится. Какие твои годы. Ещё родишь. Ты теперь-то замужем? – задала она запоздавший вопрос, как будто только заметив, что Римка почти ничего не рассказывает о своей теперешней жизни, умышленно переводя разговор на прошлое. Но так было всегда: Татьяна любила быть в центре внимания, к тому же ей всегда было что рассказать. Но теперь она ждала ответа.

Римка попыталась превратить всё в шутку.

- Знаешь анекдот про обезьяну и крокодила? – Татьяна повертела головой. – Плывёт по Нилу крокодил и видит: на берегу сидит обезьяна. Думает, сейчас подплыву к ней и спрошу: Обезьяна, ты замужем? Если она ответит «Да», я скажу: «Кто же тебя такую взял?», а если ответит «Нет», скажу : «Да кто же тебя такую возьмёт?» Подплывает, спрашивает: «Обезьяна, ты замужем?» А та со вздохом отвечает: «Да, где уж там! Кругом одни крокодилы!»

Посмеялись. Но Татьяна всё ещё не успокаивалась, ждала ответа на правах бывшей подруги:

- Ну, так что же, обезьяна, ты замужем?

- Да нет, как-то не получилось, - и неожиданно для себя добавила очень сокровенное: - Один раз обожглась, а потом всё старалась с головой влюбиться, анализировала, сравнивала. Каждая мелочь меня настораживала – какая уж тут любовь. Мешки под глазами – пьёт, много говорит – пустобрёх, мало – скучный или зануда, нет друзей - закомплексованный, полно друзей - бесхарактерный. А без любви нет надобности терпеть возле себя чужого человека.

- Ой, Римка, ты какая была, фантазёрка, такая и осталась. Не в любви дело. Вдвоём просто легче. Вот мой, бывало, придёт с работы, и меня будто не замечает. Злой, усталый, голодный. Потом поест, отойдёт и с детишками на ковре валяется, подкидывает их, играет. Те от счастья визжат, а я смотрю на них и радуюсь. Это моё. Все трое. Никуда мне от них не деться. Ну, и материальную сторону, конечно, надо учесть. Он нам хороший жизненный уровень обеспечивает. Сама знаешь, сейчас всё деньги стоит – и нормальное питание, и образование, и культура. Недавно машину купили - ему без машины не обойтись: материал привезти, а готовую продукцию - заказчикам. А в выходные с детьми и за город, и к бабушкам, и на речку можно поехать. В общем, он старается. За это его и ценю.

Римка согласилась, что всё это очень важно, но про себя подумала, что самой Татьяны в этой хорошо налаженной жизни как будто и нет. Нет той, другой Татьяны, бойкой на язык, увлекающейся новыми

течениями в искусстве, путешественницы с рюкзаком и мольбертом за плечами; Татьяны, которая когда-то мечтала жить в морском городишке или в рыбацком посёлке, окружённая друзьями-художниками, которые бы её часто навещали. Как она тогда говорила: «Из-за морского воздуха, неповторимых южных закатов и восходов и вечерних оживлённых дискуссий.» А девчонки тогда смеялись: «Ты чего всех подряд зазываешь?! Нам на пятерых уже одной сковороды с жареной картошкой мало.» На что Татьяна, смеясь, отвечала: «Нет, кормиться будете сами. Я вам только духовную пищу предлагаю.» И ещё Татьяна без конца влюблялась – в каждого смазливого парня, в каждого студента-практиканта, в учителей в родном училище и на практике в школе. И каждый раз окончательно и бесповоротно. Но замуж вышла за однокурсника, который был влюблён в неё. И теперь была, кажется, счастлива. Хотя сказала: «За это его и ценю.» Не люблю, а ценю. Об этом стоило подумать.

Татьяна пошла забирать старшего из сада со словами: «Сейчас пообедаем, и завалимся спать, а то у меня уже глаза закрываются – полночи проболтали.» А Римка расфилософствовалась, греясь на солнышке и покачивая спящую в коляске малютку.

«Наверное, не каждому человеку дано любить или быть любимым. Первое – это дар божий, талант, черта характера; второе – стечение обстоятельств,

случай, везение, а иногда природное обаяние, лёгкость души, притягательность, то есть, в конечном счёте, тот же характер. И если тебя, Римка, давно уже никто не любит, то что-то с тобой не в порядке. Какие-то сигналы говорят окружающим: отойди - не стоит возиться.»

И они отходили, а может, просто любили её на расстоянии, потому что она сама не допускала этой близости. И мать, с её тревожной любовью, и сестрёнка, зажившая своей собственной жизнью, и Ромка, испугавшийся её холодности в последний раз. И не нужно ли быть благодарной за любую любовь, подаренную тебе судьбой? Но почему-то Римка не испытывала благодарности, ждала чего-то другого.

Оглядываясь назад, на свою прошлую жизнь, Римка помнила себя влюблённой много раз. И хотя причины этой влюблённости были самыми разными, но состояние - всегда одно и то же, напоминающее болезнь. Начитавшись популярной литературы, Римка знала, что одна из этих причин, вероятно, физиологическая, заключается в потребности любить. Или попросту – гормоны бесятся. Другая, психологическая, - это страх одиночества, неумение с ним бороться и, как следствие этого, внутреннее беспокойство, неуют и бегство от себя самой в мир другого человека. Римка наблюдала это часто у своих подруг, когда они, избавившись на время от своего юношеского эгоцентризма, по косточкам разбирали объект своей

новой любви, взвешивали каждое его слово, угадывали мотивы поведения – всё было важнее и интереснее, чем собственная жизнь и собственные чувства. Со временем это проходило, и девчонки возвращались к своему эгоизму, «выздоравливали» и искренне удивлялись тому, что любовь прошла, а вместе с ней и интерес к объекту. Были, конечно, и такие, которые в состоянии влюблённости были больше заняты своим восприятием происходящего, а в случае неудачи если и страдали, то с примесью злости и обиды. Именно такие пишут коварные письма, мстят ещё недавно так горячо любимым и устраивают сцены.

Можно ли всё это назвать любовью? Неуравновешенность психики, болезнь, слабость характера. Любовь, считала Римка, - это чувство более продолжительное, хотя, как оказалось, тоже преходящее, это работа, процесс, нас развивающий, это судьба, с завязкой, действующими лицами, кульминацией и развязкой. А иногда с эпилогом: «Они жили долго и счастливо и умерли в один день.» И такое бывает. Бывает, правда, и иначе: «Они жили долго и несчастливо, но не могли разрушить эту связь, которая, может быть, тоже называется любовью.» А иначе как объяснить эту, с точки зрения постороннего, бессмыслицу, все участники которой приговорены на пожизненно.

Видно, любовь принимает многие формы. Римка в своей жизни познала уже некоторые её разновидности, и за то спасибо – она стала

благодаря этому немного терпеливей, может, даже мудрей, но не намного счастливей: ни тогда, когда любила, ни тогда, когда отпускало. Не приносили удовлетворения и чисто телесные наслаждения, или во всяком случае не надолго.

Первая любовь к красивому, бойкому мальчику выросла, пожалуй из детского эгоизма: хочу эту игрушку! А её не дают, её нельзя ни купить, ни украсть, жди, пока подарят! И остаться бы этой главе в романе её судьбы недописанной, да несчастье помогло. После тяжёлой болезни и операции очнулся красивый мальчик в своей палате и увидел Римкино заплаканное лицо. Потом выздоровел, проникся благодарностью за проведённые у больничной кровати часы, снизошёл и ходил, как тогда говорили, с ней целый год. И как это часто бывает с детьми, игрушка стала неинтересной, оказалась внутри пустой, ненастоящей, и захотелось её забросить в дальний угол, потому что надоела. Римка, не долго думая, так и поступила. Позже, повзрослев, стыдилась той безапелляционной жестокости, с которой закончила их встречи, но потом простила себе, учитывая тогдашний возраст. Да и чувство отчаянья и неуверенности в себе до того, как мальчик обратил на неё внимание, и нетерпение сердца, в ожидании первого поцелуя и прикосновения его рук, и пришедшее со временем разочарование в нём - были настоящими. И длилась эта история целый год – недолго по сравнению с целой жизнью, но научила она Римку многому: нельзя просить милостыни в

любви, манипулируя жалостью и самопожертвованием; нельзя играть с жизнью другого человека, присвоив себе его мир, его волю, его чувства; и последнее: познай себя, прежде чем вмешиваться в жизнь другого человека. Твоя ошибка может оказаться роковой и для тебя, и для пластмассовой игрушки, поверхностная красота которой быстро надоест, если ты не коллекционер, а играешь в настоящие игры. Впрочем, теория и практика в жизни не всегда идут рука об руку, и история с пластмассовой игрушкой повторилась в её жизни ещё не раз, по её вине, по вине игрушки или по стечению обстоятельств. Но тогда ей казалось, что от своего детского эгоизма она избавилась именно в то время, когда кончилась, просто, без долгих объяснений и слёз, её первая любовь.

Боже, какой умной она казалась себе в шестнадцать лет, не догадываясь, что человек познаёт себя долго, может быть, всю жизнь. Римка, со своими книжными премудростями и с поисками настоящего в жизни, думала, что знает, чего хочет: близости с человеком, который разделит с ней её любовь к искусству и ненависть к обывательству и повседневности. Это ожидание наполняло её первые годы в училище. Она научилась ценить дружбу своих подруг по общежитию, открывалась людям всё больше, много рисовала, читала и делилась своими мыслями на уроках и на вечерних спонтанных дискуссиях в общежитии. Её работы пользовались успехом у однокурсников и учителей – за ней закрепился авторитет немногословной,

мечтательной, но способной и оригинально мыслящей девушки. Всё шло замечательно, оставался всего один год до окончания училища, но судьбе было угодно, чтобы Римка познала ещё одну сторону любви.

Началось всё довольно банально. В декабре последнего учебного года к Римке прицепилась кишечная инфекция, и она долго проболела, много пропустила и не сдала зачёт по истории искусства. Мучилась ужасно – ведь это был её любимый предмет, а тут такой позор. И когда все уже собирались домой на каникулы, она всё ещё учила для пересдачи. Общежитие опустело, было немного страшно ночевать одной в комнате, но однокурсники из здешних навещали её иногда, приносили что-нибудь вкусненькое из дома.

В день, когда он вышла из общежития и направилась в училище, шёл снег, ложился и не таял – большая редкость в этом южном городишке. На душе было тревожно из-за предстоящего зачёта, но и приятно от предчувствия Нового года, поездки домой и чего-то непредвиденного, как это бывает в молодости, когда судьба ещё не написана. На лице таяли снежинки, щекотали нос, и Римке хотелось смеяться, запустить снежком в играющих во дворе ребятишек или выкинуть что-нибудь забавное, что бы их развеселило. Но посмотрев на часы, она прямиком направилась к входу в училище, взбежала по лестнице на третий этаж и предстала, взбудораженная и запыхавшаяся, перед учителем.

Он посмотрел на неё весёлым не учительским взглядом одинокого мужчины – оценивающе.

Зачёт прошёл удачно. У Николая Николаевича не было желания мучить её долгими расспросами. Он просто назвал тему, и они немного побеседовали об импрессионистах, потом перекинулись на современную западную живопись, причём, опрашивающий говорил не меньше самой Римки, которая немного робела. В заключение Ник Ник, как его прозвали учащиеся, спросил, кого из отечественных современных художников Римка ценит больше всего, и у неё сердце опустилась в желудок – он сжался и громко закудахтал курицей, от чего ей стало ещё более неловко. Это был вопрос на засыпку, которого все боялись. По выражению её лица, Ник Ник понял, что Римке сказать нечего, и беспардонно рассмеялся.

- Никакого патриотизма у этой молодёжи! Ну, да ладно. Давай зачётку. В остальном ты ориентируешься довольно-таки хорошо. А в следующем семестре мы поговорим с тобой о современности.

- Спасибо, Николай Николаевич, - обрадовалась Римка и тут же разозлилась на себя за это унизительное «спасибо».

- Тебе спасибо. Приятно было пообщаться с таким милым собеседником.

После этого разговора долго ничего не происходило, но Ник Ник не шёл у Римки из

головы: его взгляд, комплименты, намёк на новую встречу. Она сразу почувствовала, что это не интерес к современному искусству говорил в нём. И как все нормальные девушки в её возрасте, она начала придумывать себе своё будущее, как бы примерять свою жизнь к его жизни, конечно же, воображаемой. Он был старше, умнее, начитаннее, но всё ещё моложав и строен, немного высокомерен, как ей показалось, но и обаятелен, когда хотел. В общем, Римка в него влюбилась, и потому поездка домой, и встреча Нового года, которая, как и в прошлом, не преподнесла никакого приятного сюрприза, были её не в радость. Быстрей бы вернуться туда, где её ждёт, она в этом не сомневалась, что-то новое и настоящее.

Любовь забирает много сил, но много и возвращает. Откуда они берутся, где таится этот источник энергии, когда мы спим, в прямом и в переносном смысле этого слова - неизвестно. Но познать щедрость этого источника Римке довелось тогда на четвёртом курсе. Она готовилась к выпускным экзаменам, работала над дипломной работой – большой росписью в одной из городских школ, а вечерами бегала на свидания к Ник Нику. Эти свидания были поначалу платоническими и уж очень интеллектуальными, но со временем превратились в страстные и короткие встречи двух, давно искавших друг друга людей. По меньшей мере, так казалось тогда Римке. Конечно же, приходилось ото всех прятаться, а запретный плод сладок.

После выпускного вечера Римка распрощалась с однокурсниками и поехала к Нику с вещами. Он был рад ей, но немного растерян, а позже часто говорил: «Как птица, прилетела – и осталась». Первая их совместная ночь прошла сумбурно: с шампанским, с бесконечными разговорами ни о чём и обо всём сразу, с бурными ласками. Днём отсыпались - учебный год закончился можно было расслабиться, и ему, и ей. Римка написала домой, что останется здесь на всё лето, поработает на винограднике. Там не возражали.

Отпуск прошёл быстро. Для Ника начался новый учебный год, а для Римки - взрослая жизнь с закупками, обедами, безденежьем и одинокими вечерами за книжкой или перед телевизором – то, чего она так боялась, случилось: обыденность. Ника почти никогда не было дома. Летом, поздно проснувшись, он ещё проводил полдня дома и только под вечер находил предлог куда-нибудь уйти, без неё. А когда начались занятия, она его видела только по утрам и ночью, когда он приходил любвеобильный и выпивший. Она не понимала, что произошло, почему всё так скоропостижно изменилось, почему его тянет из дома, мучилась, плакала. Пока не поняла, что он попросту болен. Его душа не знала покоя, искала разнообразия, острых ощущений, забвения и не находила всего этого в стенах собственной квартиры, в Римке, которая тоже стала повседневностью. Депрессии сменялись трёхдневными запоями, а когда он потерял работу, то и более длительными - сколько

хватит сил. Римка отпаивала его чаями, кислым бульоном, чтобы разбавить этот яд в крови, прикладывала холодные компрессы, и пожинала его раздражительные окрики. Немного придя в себя, Ник на время превращался в того обаятельного и интересного мужчину, которого любили ученики, обожали коллеги, а друзья, которых, к несчастью, было очень много, ценили за остроумие и щедрость. Кто-нибудь из них постоянно нуждался в его помощи: познакомить, устроить, написать курсовую, а в благодарность за поддержку - поили. Пока всё не начиналось сначала. Стремление к свободе в сочетании с эгоизмом в юности – почти нормальное явление, но в зрелые годы – фатально. Не найдя своего призвания ни в работе, ни в семейной жизни, ни в каком-либо другом безобидном увлечении, Ник терял себя с каждым запойным днём всё больше, грубел, терял интерес к чтению, к жизни, к людям, и только играл роль, многие роли, сам не понимал уже, когда же он играет самого себя.

Римка всё ещё любила его какой-то невероятной любовью: в ней сочетались и чередовались то интерес и жалость, то жалость и надежда, то надежда и разочарование, и под конец разочарование и жалость, и именно в этой многократно повторяющейся последовательности. Подумав эту фразу, Римка ещё раз проверила её на правдивость – да, так оно и было. В её отношении к Нику не было ничего эротического. Она оказалась с ним в постели, чтобы перешагнуть последний

барьер к искомой близости и немного из любопытства, потом немного играла роль, чтобы не огорчать его. А когда сексуальный интерес угас и театр надоел, призналась, что ничего не чувствует. Это было началом конца, а для него, возможно, оправданием нового срыва, который закончился в психиатрической больнице.

К этому времени Римку саму уже нужно было лечить. Она впала в апатию, целыми днями спала, наверное, ещё и потому, что была беременна. Через силу поднималась и ехала за город, чтобы навестить Ника. Через силу готовила себе обед, съедала две ложки супа и опять валилась с ног. Сказать ему о своей беременности она не решалась - он был занят своей ломкой и зол на весь белый свет. А к концу лечения начал строить планы: собирался отправиться к родителям в село, искать работу, так как здесь шансов было мало – во всех учебных заведениях города его хорошо знали. В этих планах Римке не было места. Он старался сам выжить. Как-то по дороге домой из клиники Римка тряслась в битком набитом автобусе, почти упираясь в дверь носом, а над раздвижной автобусной дверью светилась табличка с надписью «Выхода нет».

Оцепенение, которое её тогда охватило, возникло из ожившей памяти, сковало Римке горло. Она чуть не завыла по-волчьи, как часто делала тогда, чтобы унять тоску. Но в это мгновенье проснулась Татьянина дочурка, и Римка вернулась в настоящее, взяла девочку на руки, а та, ещё сонненькая,

зачмокала губами, завертела головкой, ища грудь. Римка сунула ей соску, и она успокоилась, снова задремала, улыбаясь во сне. Когда Татьяна вернулась, извиняясь, что так долго провозилась со своим «большим», Римка уже успокоилась, и покачивая девчушку, напевала ей что-то вполголоса. Мальчишка раскапризничался, не хотел идти пешком, и его пришлось посадить в коляску. А Римка несла спящую девочку до самого дома, очень довольная.

В пятницу Татьяна со своей семьёй собиралась за город к родителям – у них был какой-то юбилей, а Римка попросила разрешения остаться на два дня в их квартире, так как обратный билет у неё был взят на воскресенье. Татьяна суетливо набивала сумки, давала последние указания: «Ключ отдашь соседке. В холодильнике борщ. Ешь, а то пропадёт.» Попрощались, обменялись обещаниями писать, не забывать, обязательно ещё раз встретиться, только теперь у Римки. И шумное семейство отчалило на кооперативном автомобильчике. Два часа Римка наслаждалась тишиной. Просто сидела и глядела в окно. Она так давно уже жила одна, что за эти дни ужасно устала от разговоров, суеты, окриков родителей и визга малышей. Потом взяла журнальчик, полистала и, не найдя ничего интересного, уснула. А вечером, перекусив и взбодрившись чёрным чаем, достала из сумки коричневую тетрадь, чтобы записать сказку о Каролинке, которую задумала ещё дома. Перед её внутренним взором поплыли образы, которые

предстояло ещё нарисовать, чтобы получилась настоящая книжка с иллюстрациями и красивой обложкой, послышались голоса – только записывай.